

№ 1 Goodreads 2019 • Бестселлер № 1 Sunday Times

ХЭЛЛИ РУБЕНХОЛД

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ

18+

НЕРАССКАЗАННЫЕ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН,
УБИТЫХ ДЖЕКОМ-ПОТРОШИТЕЛЕМ

МИФ Культура

Хэлли Рубенхолд

**Пять жизней. Нерассказанные
истории женщин, убитых
Джеком-потрошителем**

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 94(410)
ББК 63.3(4)5

Рубенхолд Х.

Пять жизней. Нерассказанные истории женщин, убитых Джеком-потрошителем / Х. Рубенхолд — «Манн, Иванов и Фербер», 2019 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-169115-0

Более столетия газеты единодушно заявляли, что Джек-потрошитель охотился на проституток. Историк Хэлли Рубенхолд обнаружила, что это не соответствует действительности, и решила рассказать реальные истории женщин, погибших от его руки. В ее безжалостном повествовании перед читателем предстает мир не только Диккенса и королевы Виктории, но и нищеты, бездомности и безудержного женоненавистничества. В основе этой книги – пять поразительных человеческих историй и мрачный, волнующий портрет викторианского Лондона. На русском языке публикуется впервые.

УДК 94(410)

ББК 63.3(4)5

ISBN 978-5-00-169115-0

© Рубенхолд Х., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

Предисловие. Повесть о двух городах	6
Поли	14
1. Дочь кузнеца	15
2. Благоедеяния Пибоди	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Хэлли Рубенхолд

Пять жизней. Нерассказанные истории женщин, убитых Джеком-потрошителем

Издано с разрешения автора, Hallie Rubenhold care of United Agents, The Van Lear Agency LLC c/o Agentstvo Van Lear LLC

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Hallie Rubenhold, 2019 This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Посвящается Мэри Энн Николс (Полли), Эни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли

Я пишу от имени женщин, которые не могут говорить; от имени тех, у кого нет голоса, потому что они напуганы: ведь нас учили уважать страх больше, чем себя. Нас учили, что молчание спасет нас, но это неправда.

Одри Лорд

Предисловие. Повесть о двух городах

Есть две версии событий 1887 года. Одна хорошо известна, вторую знают немногие.

Первую версию можно прочесть в большинстве учебников истории. Современникам нравилось вспоминать именно ее, и о ней они рассказывали внукам с задумчивой улыбкой на устах. Это история королевы Виктории и летних празднеств в честь золотого юбилея ее правления¹. Массивная британская корона возлегла на голову Виктории, когда той едва миновало восемнадцать. С тех пор прошло полвека, и королева стала символом империи. В ознаменование юбилея коронации были запланированы грандиозные торжества. Двадцатого июня, в годовщину восхождения Виктории на трон, в Лондон съехались коронованные особы со всей Европы, индийские принцы, почетные гости и делегаты со всех концов империи. Прибыла даже Лилиуокалани, королева Гавайев. Лавочники Вест-Энда украсили витрины в цветах «Юнион Джека» – красный, белый, синий; британские флаги и королевские штандарты, цветочные и бумажные гирлянды укрыли строгие каменные фасады. По вечерам посольства и клубы, гостиницы и учреждения в Сент-Джеймском парке и на Пикадилли включали электрическую и газовую подсветку, и на зданиях вспыхивали гигантские короны и инициалы V и R². Верноподданные Ее Величества стекались в центр Лондона со всех окрестностей и из отдаленных уголков ее владений, компостиrowали железнодорожные билеты из Кента и Суррея и толпились на запруженных улицах, надеясь хоть одним глазком увидеть роскошную королевскую карету или принцессу. Когда длинные летние сумерки угасали, они ставили свечи на подоконники своих домов и поднимали кружки с пивом, бокалы с шампанским и красным вином за здоровье королевы.

В Вестминстерском аббатстве отслужили благодарственную, в Виндзорском дворце провели государственный банкет и смотр войск, и даже детям устроили праздник в Гайд-парке. Двадцать кукол Панча и Джуди³, восемь марионеточных театров, восемьдесят шесть оптических аппаратов, девять цирковых трупп с дрессированными собаками, мартышками и пони, уличные оркестры, продавцы игрушек и «шаров, наполненных газом», развлекали детей. Две с половиной тысячи мальчиков и девочек накормили еще и обедом, состоявшим из кекса, пирожков с мясом, булочек, апельсинов и лимонада. Торжества продолжались все лето и включали праздничные концерты, лекции, представления, пикники, ужины и даже парусную регату. Поскольку юбилей совпал с традиционным светским сезоном в Лондоне, высший свет устраивал приемы в садах и балы. Дамы одевались по летней моде – в отороченные кружевом пышные шелковые платья: белые, черные и модных абрикосово-желтого, розово-фиолетового и мятного оттенков. Великолепный бал прошел в Гилдхолле⁴: принц и принцесса Уэльские принимали высокопоставленных родственников, принца Персии, папского посланника, принца Сиама, а также Голькара, махараджу Индора. Весь высший свет танцевал под декорированными потолками, в окружении каскадов благоухавших цветочных композиций. Поблескивали, отражаясь в зеркалах, тиары и галстучные булавки. Юных дебютанток знакомили с перспективными женихами. Жизнь викторианцев кружилась ослепительным вихрем под романтические звуки быстрого вальса.

Но есть и другая история.

¹ Королева Виктория взошла на трон 20 июня 1837 года. *Здесь и далее – примечания переводчика, если не указано иное.*

² Victoria Regina – королева Виктория.

³ Панч (Пульчинелла) и Джуди – герои традиционного уличного театра кукол, который появился в Италии, но затем стал популярен и в Англии.

⁴ Здание в Сити, где прежде находилась резиденция лорд-мэра.

Эту повесть о случившемся в 1887 году большинство предпочитает не вспоминать. По сей день она отражена лишь в немногих учебниках, и на удивление мало кто знает о том, что произошло. А ведь в 1887 году истории, о которой пойдет речь, было посвящено гораздо больше газетных строк, чем описаниям королевских парадов, банкетов и пиршеств.

Лето юбилея королевского правления выдалось исключительно теплым и сухим. Безоблачное голубое небо, которому так радовались беспечные посетители пикников и балов на свежем воздухе, погубило урожай фруктов и высушило поля. Недостаток воды и отсутствие сезонных заработков по сбору урожая привели к обострению и без того серьезного кризиса безработицы. Пока богачи наслаждались солнечной погодой, укрываясь под зонтиками и тенистыми деревьями пригородных вилл, бездомные и нищие разбили лагерь под открытым небом прямо посреди Трафальгарской площади. Многие приехали в центр города искать работу на рынке Ковент-Гарден, где лондонцы закупаются продовольствием. Но из-за засухи ящиков со сливами и грушами стало намного меньше, уменьшилась и потребность в грузчиках. Не имея денег на кров, приезжие спали прямо на площади, где к ним постепенно присоединялось все больше безработных и бездомных, готовых жить на улице, лишь бы не идти в работные дома с их жуткими условиями, унижительными для человеческого достоинства. К ужасу наблюдателей, расположившиеся на площади совершали свой утренний туалет прямо в фонтанах, под носом лорда Нельсона, взиравшего на них с высоты своей колонны. Там же, в фонтанах, стирали одежду, кишевшую паразитами. С наступлением осени на площадь пришли социалисты, Армия спасения и прочие благотворительные организации и стали раздавать Библию, купоны в ночлежки, кофе, чай, хлеб и суп. Натянули брезент и устроили импровизированные бивуаки; меж лап гигантских бронзовых львов ежедневно произносились пламенные речи. Ажиотаж, стадный инстинкт и бесплатная еда привлекли на площадь толпы лондонских отщепенцев, что, в свою очередь, привлекло полицию, а это, в свою очередь, привлекло журналистов. Те бродили среди ободранцев, записывая имена и рассказы маргиналов, о которых иначе никто бы никогда не узнал.

Некий «мистер Эшвилл», по его собственным словам, был «художником и стекольщиком». Он сидел без работы уже двенадцать месяцев, из которых тридцать три ночи спал на набережной Темзы, а когда похолодало, перебрался на Трафальгарскую площадь в надежде, что там немного теплее. Опыт уличного существования заметно потрепал его и поверг в удрученное состояние, но он все же не терял надежды в один прекрасный день найти работу.

На Трафальгарской площади частенько можно было встретить солдатскую вдову: она ходила кругами и продавала спички, чтобы прокормить маленького сына. Но жизнь ее не всегда была такой. Не сумев выплатить последний взнос за купленную в кредит швейную машинку, она лишилась единственного средства к пропитанию, а вскоре и комнаты, которую считала домом. В работном доме их с ребенком ждала бы разлука, поэтому женщина предпочитала ночевать на площади в обнимку с сыном, укрывшись шалью⁵.

На одной из каменных скамеек нашла пристанище пожилая пара, прежде никогда не знавшая бед⁶. Супруг работал музыкальным директором театра, но в результате несчастного случая утратил трудоспособность. Накоплений у супругов не было, они задолжали за квартиру и лишились крова, а теперь вынуждены были ночевать под звездами. Перспектива сдать в ближайший работный дом казалась слишком унижительной и страшной – об этом супруги даже не задумывались.

Сотни людей стекались на Трафальгарскую площадь и засыпали на ее мостовой. Их истории были очень похожи. Агитаторы политических партий быстро смекнули, что в их распоряжении готовая армия озлобленных людей, которым больше нечего терять. Лондонцы давно

⁵ Howard Goldsmid, *A Midnight Prowl Through Victorian London* (Лондон, 1887).

⁶ *Sheffield Daily Telegraph*, 20 июля 1887.

заметили, что Трафальгарская площадь находится на линии, пересекающей город с востока на запад и отделяющей «богатые» кварталы от «бедных»: искусственная граница, которую, в отличие от невидимых пут, не позволявших бесправным высказаться в свою защиту, легко было перешагнуть. В 1887 году перспектива социального бунта представлялась многим пугающе реальной. Вместе с тем некоторые недооценивали угрозу. Ежедневные речи социалистов и реформаторов на Трафальгарской площади – Уильяма Морриса, Анни Безант, Элеоноры Маркс и Джорджа Бернарда Шоу – способствовали мобилизации населения, и на улицы вышла распевавшая лозунги многотысячная толпа с транспарантами, что неизбежно привело к стычкам. Служба столичной полиции и магистратский суд на Боу-стрит работали сверхурочно, чтобы сдержать натиск протестующих и очистить площадь от тех, кого они считали попрошайками и возмутителями порядка. Но те были неумолимы как прилив: стоило оттеснить их – и они снова возвращались.

Восьмого ноября власти совершили роковую ошибку: комиссар полиции сэр Чарльз Уоррен запретил все собрания на Трафальгарской площади. Простой люд, для которого площадь в самом сердце Лондона стала местом объединения и форумом политических действий, воспринял это как объявление войны. На тринадцатое ноября запланировали демонстрацию. Формальным поводом для нее послужило требование освободить члена парламента от Ирландии Уильяма О'Брайена, но недовольство протестующих не ограничивалось этим делом. Демонстрация собрала более сорока тысяч мужчин и женщин. Им навстречу вышли более двух тысяч полицейских, королевская и гренадерская гвардии. Стычки начались почти мгновенно; полицейские с дубинками атаковали протестантов. Несмотря на мольбы организаторов, многие участники демонстрации прихватили с собой свинцовые трубы, ножи, молотки и кирпичи; арестовали сорок человек, более двухсот получили ранения, а по крайней мере двое были убиты. Но, увы, Кровавое воскресенье – а именно под этим названием происшествие вошло в историю – не ознаменовало окончание конфликта. Звон разбитого стекла и общественные беспорядки сопровождали жизнь лондонцев вплоть до начала следующего года.

Главными героинями этих двух спектаклей стали две женщины, чья жизнь и смерть оказались столь значимыми для девятнадцатого века. Одной была королева Виктория, давшая свое имя эпохе, продлившейся с 1837 по 1901 год. Другой – бездомная по имени Мэри Энн Николс, или Полли, как ее называли в быту, одна из многих, кто в тот год волею судеб очутился на Трафальгарской площади. В отличие от монархини, про Полли со временем все забыли, хотя имя ее убийцы по-прежнему вспоминают с замиранием сердца и даже с извращенным восторгом. Джек-потрошитель.

Чуть больше двенадцати месяцев отделяет лето празднования юбилея коронации Виктории от того дня, когда была убита Полли Николс, – 31 августа 1888 года. Полли стала первой из пяти «канонических» жертв Джека-потрошителя, тех, чья смерть, по результатам полицейского расследования, наступила в результате действий одного и того же преступника, орудовавшего в районе Уайтчепел в лондонском Ист-Энде. Вскоре после убийства Полли Николс, 8 сентября, во дворе дома на Хэнбери-стрит был обнаружен труп Энни Чэпмен. Ранним утром 30 сентября Джек-потрошитель нанес удар дважды. Жертвами двойного убийства стали Элизабет Страйд, чье тело было обнаружено во дворе фабрики Датфилда на Бернер-стрит, и Кэтрин Эддоус, убитая на Митр-сквер. После этого Потрошитель на время приостановил свои кровавые злодеяния. Финальное зверство он совершил 9 ноября: убил и изувечил Мэри Джейн Келли в ее собственной постели в доме № 13 по Миллерс-корт.

Жестокость убийств в Уайтчепеле потрясла лондонцев и людей во всем мире, узнавших о произошедшем из газет. У всех жертв Джека-потрошителя было перерезано горло. У четырех из пяти – извлечены внутренности. Все убийства, кроме последнего, были совершены на улице под покровом ночи. В каждом случае убийца скрывался, не оставляя следов. Учитывая то, что нападения произошли в квартале с чрезвычайно высокой плотностью населения, обществен-

ность, пресса и даже полицейские поражались тому, как убийце удалось остаться незамеченным. Подобно призрачному демону, Джек-потрошитель всегда опережал власти на шаг, и его преступления внушали особый, почти сверхъестественный ужас.

Подразделение Н⁷ Службы столичной полиции, расположенное в Уайтчепеле, бросило на расследование дела все ресурсы. Однако властям прежде никогда не приходилось сталкиваться с преступлением такого масштаба и значения, и вскоре они поняли, что справляются с трудом. В районе Уайтчепел проводили сбор свидетельских показаний путем обхода домов и опроса местных жителей. Полицейские собрали и передали на судмедэкспертизу большое количество материала. Полицейский участок завалили письмами и устными показаниями: они поступали от граждан, утверждавших, что они стали очевидцами преступления; от лондонцев, предлагавших помощь в расследовании; и от обычных врунов, мешавших следствию своими безумными фантазиями. В общей сложности полиция опросила более двух тысяч человек и выявила более трехсот возможных подозреваемых. Несмотря на то что к делу привлекли Скотленд-Ярд и полицию лондонского Сити, ни одна из ниточек не вывела на убийцу. Если такие ниточки и существовали, они затерялись под грудой показаний, которые полиции пришлось переработать. Констебли строчили в блокнотах и преследовали подозреваемых в темных переулках, а Джек-потрошитель тем временем продолжал убивать.

«Осень ужаса», как ее прозвали в прессе, продолжалась. В Уайтчепел слетелись журналисты: каждый норовил урвать свой кусочек сенсации. Неизбежное вмешательство прессы, ставшей посредником между незавершенным полицейским расследованием и населением Ист-Энда, жившим в состоянии повышенной тревоги, оказало взрывной эффект. Поскольку полиция не могла предоставить газетчикам какие-либо определенные факты, те выдвигали собственные теории об убийце и его преступном методе. Газеты разлетались как горячие пирожки: жажда новостей и новых версий стала неутолимой. Само собой, не обошлось без выдумок, «фейковых новостей» и попыток приукрасить историю. Однако слухи и опрометчивые комментарии журналистов, крайне отрицательно высказывавшихся по поводу хода полицейского расследования, не уменьшали тревогу обитателей Уайтчепела. К середине сентября в квартале началась паника, большинство жителей боялись выходить из дома по вечерам. У входа в полицейский участок на Леман-стрит собирались «улюлюкающие и кричащие» толпы, требовавшие поимки убийцы. Местные торговцы, желая взять дело в свои руки, организовали Уайтчепельский комитет бдительности. Тем временем в прессе выдвигали самые невероятные предположения по поводу личности Джека-потрошителя. Кто-то писал, что преступник, безусловно, проживает в Уайтчепеле; другие считали его богатеньким «франтом» из Вест-Энда; третьи – моряком, евреем, мясником, хирургом, иностранцем, ненормальным или целой бандой вымогателей. Жители Уайтчепела стали нападать на всех прохожих, подходивших под эти описания. Врачей с саквояжами избивали на улицах, на посыльных со свертками в руках доносили в полицию. Злодеяния Джека-потрошителя пробуждали во многих не только омерзение, но и извращенное любопытство. Толпы множились как у полицейского участка на Леман-стрит, так и на местах преступлений. Кто-то стоял и разглядывал место, где произошло убийство, в надежде найти разгадку, а кого-то попросту завораживал ужас случившегося.

Поскольку полиция так и не задержала подозреваемого, а обвинения ни в одном из пяти убийств не были предъявлены, обыватели поняли, что их жажда свершения правосудия никогда не будет удовлетворена. Единственное, что могло дать ответы и хоть какое-то ощущение завершенности, – дознания коронера. Дознания проводились публично в Уайтчепеле и лондонском Сити после каждого убийства и подробно освещались в газетах. Дознание коронера во многом похоже на суд по уголовному делу: свидетели предстают перед жюри присяжных и излагают свою версию событий с целью составить четкое, официальное представление о том,

⁷ High security, discipline and protection – высокая безопасность, дисциплина и защита.

как именно умерла жертва. Почти все существующие сведения о пяти жертвах Джека-потрошителя дошли до нас из показаний свидетелей, выступавших на дознании коронера. Однако в свидетельских рассказах о событиях много белых пятен. Допрос был проведен поверхностно, присяжные почти не задавали вопросов, а несоответствия и странности в показаниях, похоже, никого не смущали. По сути, информация, которую удалось выяснить в ходе дознания, представляла собой лишь поверхностный срез. Настоящая разгадка лежала гораздо глубже, окруженная мраком.

Хотя убийства в Уайтчепеле остались нераскрытыми, они пролили свет на неопишуемые, страшные условия проживания местной бедноты. Полчища бездомных и бунты на Трафальгарской площади стали всего лишь внешним проявлением болезни, давным-давно поразившей Ист-Энд и нищие районы Лондона. Они стали мокротой, которую бедняки выкашливали в лицо истеблишменту. Появление Джека-потрошителя было симптомом того же кашля, но более заметным и жестоким.

На протяжении почти всего правления королевы Виктории журналисты, общественные реформаторы и миссионеры ужасались творившемуся в Ист-Энде. В 1870–1880-е годы ситуация обострилась: на экономике сказались последствия Долгой депрессии⁸. Заработки, которыми обычно перебивалась армия лондонских чернорабочих – тех, кто шил и стирал одежду, таскал кирпичи, работал на конвейере, торговал вразнос и разгружал суда, – стали совсем грошовыми и нестабильными. Грузчики в доках получали не более 15 шиллингов в неделю; «люди-сэндвичи», носившие на себе картонные вывески-билборды, – шиллинг и восемь пенсов в день. Вдобавок ко всему росла арендная плата за жилье. В то время в Лондоне сносили целые бедняцкие кварталы, чтобы освободить место для железнодорожной инфраструктуры и новых широких улиц – к примеру, Шефтсбери-авеню. Лондонская беднота вынуждена была переселяться в еще более тесные жилые районы и жить более скученно на меньшей площади.

Из этих районов самая печальная слава закрепилась за Уайтчепелом, но он был отнюдь не единственным рассадником нищеты в столице. В 1890 году общественный реформатор Чарльз Бут провел обширное исследование бедных районов Лондона и выяснил, что очаги бедности, преступности и разорения имеются по всему городу и даже в респектабельных районах. Однако с дурной репутацией Уайтчепела не могли сравниться ни Бермондси, ни Ламбет, ни Саутварк, ни территория вокруг вокзала Сент-Панкрас. К концу девятнадцатого века в Уайтчепеле – квартале складов, ночлежек, фабрик, потогонных производств, скотобоев, мебелированных комнат, пабов, дешевых варьете и рынков – бок о бок проживали 78 тысяч душ. Весь этот многочисленный пестрый сброд принадлежал к разным религиям, культурам и говорил на разных языках. На протяжении двух веков в Уайтчепеле селились эмигранты со всей Европы. В конце девятнадцатого века существенную долю населения квартала составляли ирландцы, бежавшие от голода и нищеты, свирепствовавших в их родных краях. К началу 1880-х годов к ним присоединились евреи, спасавшиеся от погромов в Восточной Европе. В эпоху, когда к представителям иных национальностей, рас и вероисповеданий относились с подозрением, интеграция проходила со скрипом даже в трущобах. Однако составители исследования Бута не учитывали происхождение обитателей бедных районов и считали их довольно однородным социальным классом. За исключением редких представителей среднего класса, значительную долю населения Уайтчепела составляли «бедняки», «нищие» и «полукриминальные элементы».

Пульсирующим темным сердцем Уайтчепела считался рынок Спиталфилдс. Именно здесь, рядом с фруктовым и овощным рынком и высоким белым шпилем церкви Христа, располагались самые злачные улицы и худшее жилье в округе, а может, и во всем Лондоне. Даже полиция обходила стороной Дорсет-стрит, Трол-стрит, Флауэр-энд-Дин-стрит и примыкавшие

⁸ Мировой экономической кризис, наиболее затронувший страны Западной Европы и США (1873–1879).

к ним переулки. Застроенные убогими рассадниками порока – ночлежками, или клоповниками, – и ветхими жилыми домами, поделенными на отдельные «меблированные комнаты» под сдачу с крошащимися, изъеденными сыростью стенами, эти улицы и их обитатели стали символом всех самых вопиющих социальных проблем тогдашней Англии.

Случись кому-то ненароком забрести сюда из безопасного и благочинного мира викторианского среднего класса, он был бы потрясен увиденным. Разбитые тротуары, тусклые газовые фонари, потеки сточных вод, вонючие лужи с болезнетворной стоячей водой и заваленные мусором улицы были лишь предвестниками ужасов, творившихся в стенах домов. Целые семьи ютились в кишевших паразитами клетушках восемь на восемь футов⁹ с разбитыми окнами. В одной из таких комнат санитарные инспекторы однажды обнаружили пятерых детей, спавших в кровати рядом с трупом шестого ребенка. Люди спали на полу, на сваленных в кучу тряпках и соломе; многие заложили всю свою одежду, оставив лишь жалкий лоскут, чтобы прикрыть наготу. Алкоголизм, голод, болезни – все возможные недуги и пороки процветали в этом внутреннем круге ада. Само собой, домашнее насилие – впрочем, как и остальные формы насилия – было делом обычным. Едва достигнув половой зрелости, девочки выходили на улицы и начинали торговать собой. Мальчики перебивались воровством и карманными кражами. Высокоморальному английскому среднему классу казалось, что пред лицом столь жестокой парализующей нужды все благие и праведные инстинкты, управляющие человеческими отношениями, должны быть полностью утеряны.

Ничто не демонстрировало эту истину более красноречиво, чем ночлежки, предоставлявшие кров тем беднякам, кому были не по карману даже «меблированные комнаты». В ночлежке находили временное пристанище бездомные: те попеременно ночевали на вонючих постелях в клоповниках, в мрачных общежитиях работных домов и под открытым небом. Здесь обретались попрошайки, преступники, проститутки, хронические алкоголики, безработные, больные и старики, чернорабочие и солдаты на пенсии. Впрочем, к большинству обитателей ночлежек можно было применить несколько этих характеристик одновременно. В одном лишь Уайтчепеле ночлежек насчитывалось 233; в них жили около 8530 человек, не имевших постоянного жилья¹⁰. Естественно, самой дурной репутацией пользовались ночлежки на Дорсет-стрит, Трол-стрит, Флауэр-энд-Дин-стрит. За четыре пенса здесь можно было снять односпальную, жесткую, кишевшую блохами койку в душной зловонной общей комнате. За восемь пенсов – столь же убогую двуспальную кровать, отгороженную деревянной перегородкой. Ночлежки были женские, мужские и смешанные. В тех, куда пускали и мужчин, и женщин, царил вопиющий разврат. Жильцы могли пользоваться общей кухней, открытой весь день и до глубокой ночи. Она служила местом сборищ, где готовили скудные ужины, чаевничали и напились друг с другом и с каждым, кому случилось заглянуть на огонек. Социологи и реформаторы, которым довелось сживать за столами на этих кухнях, ужасались отвратительным манерам обитателей ночлежек и адской нецензурщине, которую можно было услышать даже из уст маленьких детей. Однако самые сильные возражения у них вызывали насилие, чудовищная грязь и переполненные нечистотами уборные, неприкрытая нагота, беспорядочные сексуальные связи, пьянство и пренебрежение родительскими обязанностями. В клоповниках все мерзости трущоб собрались под одной крышей.

Но больше всего полицейских и реформаторов тревожила прямая связь между существованием ночлежек и проституцией. Желавшим снять койку не задавали лишних вопросов, коль скоро у них в кармане находилось четыре или восемь пенсов на ночлег, и ночлежки превратились в настоящее гнездо разврата. Многие женщины, которым проституция служила основным источником дохода, жили и работали в ночлежках. После принятия Акта о поправках к

⁹ Примерно 2,4×2,4 м (1 фут = 0,3048 м).

¹⁰ Государственный архив Великобритании: архив Службы столичной полиции, дело 3/141, с. 158–159.

уголовному законодательству 1885 года, вызвавшего массовое закрытие борделей, количество проституток резко выросло. Новый закон вынудил многих проституток принимать клиентов в месте, отличном от места проживания. А что может быть удобнее, чем ночлежка, где можно снять кровать за восемь пенсов? Именно в такие ночлежки проститутки приводили клиентов с улицы. Были и те, кто предпочитал ночевать на более дешевых койках за четыре пенса, уединяясь с клиентами в темных подворотнях. Этот вариант «быстрого обслуживания» чаще всего не подразумевал соитие.

Однако в ночлежках находили пристанище не только проститутки, но и обычные женщины, очутившиеся в бедственном положении по самым разным причинам. Хотя некоторые из них периодически прибегали к проституции, считать всех жительниц ночлежек проститутками, безусловно, было бы неправильно. Наскрести на ночлег можно было разными способами: голь на выдумки хитра. Большинство перебивалось низкооплачиваемыми однодневными заработками: уборкой, стиркой, уличной торговлей. Вдобавок к этому попрошайничали, одалживали деньги, закладывали имущество ростовщикам, а иногда и подворовывали. Распространенным способом сэкономить считалась аренда койки на двоих с сожителем. Такие вынужденные союзы чаще всего оказывались недолговечными, но, бывало, тянулись месяцами и даже годами без визита к священнику. Наблюдатели из среднего класса приходили в ужас при виде того, как легко и быстро несчастные обитатели неблагополучных кварталов вступают в эти отношения и разрывают их. При этом бедняков, казалось, ничуть не тревожило, что в результате их союзов рождаются дети. Все это настолько противоречило нормам существовавшей морали, что для жителей викторианской Англии все без исключения обитательницы ночлежек были все равно что проститутки, хотя формально могли таковыми и не являться.

Во времена, когда Джек-потрошитель сеял ужас на улицах Уайтчепела, газетчики, стремившиеся шокировать англичан сочными подробностями жизни в трущобах, регулярно заявляли, что ночлежка – «тот же бордель, только называется иначе», и большинство женщин, обитающих в ней, за очень редкими исключениями, – проститутки. В свете кошмарных происшествий общественность с легкостью верила написанному в газетах. Так преувеличение превратилось в факт, хотя даже полиция придерживалась иной версии. Об этом свидетельствует письмо комиссара Службы столичной полиции, написанное в самый разгар зверств Джека-потрошителя. Проведя лишь приблизительный подсчет, сэр Чарльз Уоррен пришел к выводу, что в 233 ночлежках Уайтчепела проживало около 1200 проституток. Однако эта статистика сопровождалась комментарием сэра Чарльза: «Нет никакой возможности точно установить, кто из этих женщин является проституткой, а кто нет»¹¹. Другими словами, пресса едва ли была вправе делать такие заявления, раз даже полиция сочла невозможным отличить проституток от других женщин, проживавших в ночлежках.

Собранная Уорреном статистика позволяет сделать еще один интригующий вывод. Если в ночлежках проживало в общей сложности 8530 человек, причем треть из них (2844) – женщины, 1200 из которых якобы занимались проституцией, то выходит, что подавляющее большинство – 1644 женщины – не имело к проституции никакого отношения¹². Подобно жительницам ночлежек, жертв Джека-потрошителя окружает хитросплетение домыслов, слухов и необоснованных догадок. Распутывание этого клубка началось 130 лет назад, но, что удивительно, с тех пор дело далеко не продвинулось; не появилось и новых версий. Истории Полли, Энни, Элизабет, Кейт и Мэри Джейн формировались под сильным влиянием ценностей и морали Викторианской эпохи. Эти истории рассказаны мужчинами, находившимися у власти, – мужчинами из среднего класса. Они сложились в то время, когда у женщин не было

¹¹ Государственный архив Великобритании: архив Службы столичной полиции, дело 3/141, с. 158–159.

¹² Joseph O'Neill, *The Secret World of the Victorian Lodging House* (Barnsley, 2014), с. 117. Предположительно, женщины составляли менее половины населения лондонских ночлежек.

голоса и практически не было прав, а неимущие считались ленивыми дегенератами. И не было, пожалуй, худшего сочетания, чем неимущая женщина. Сто тридцать лет мы мирились с этой устаревшей версией истории. Мало кто отваживался заглянуть глубже, под толстый внешний слой предрассудков, мешавших нам узнать правду об этих женщинах и о том, что случилось на самом деле.

Принято считать, что Джек-потрошитель убивал проституток. Однако убедительных свидетельств того, что три из пяти его жертв занимались проституцией, не существует. Поскольку тела жертв были обнаружены в темных подворотнях и на улицах, полиция решила, что убитые были проститутками, а убийца – маньяк, заманивший их в эти темные углы ради секса. Но это так и не было доказано. Напротив, в ходе дознания коронера выяснилось, что Джек-потрошитель никогда не вступал в сексуальные отношения со своими жертвами. Кроме того, на местах преступлений отсутствовали следы борьбы: по-видимому, убийства совершались в полной тишине. Никто в округе не слышал криков. Вскрытие показало, что все женщины в момент убийства находились в положении лежа. Известно, что минимум три жертвы Джека-потрошителя регулярно ночевали на улице, а в ночь убийства у них не было денег на ночлег. Лишь пятая жертва была убита в собственной постели. Полицейские столь убежденно придерживались своей теории о принципе выбора жертв, что не заметили очевидного: скорее всего, Потрошитель напал на жертв, когда те спали.

Отсутствие надежных источников – вот что всегда мешало докопаться до истины в деле Джека-потрошителя. Хотя до нас дошло несколько полицейских отчетов, основные сведения о преступлениях и их жертвах содержатся в дознании коронера. Увы, в трех из пяти случаев официальные документы следствия утеряны. Остается полагаться лишь на огромное количество отредактированных, приукрашенных, составленных по слухам и домыслам газетных репортажей, по которым можно воссоздать только общую картину событий. Я отнеслась к этим документам крайне осторожно, не принимая ни слова из них за чистую монету. Я также не использовала неподтвержденные данные, предоставленные свидетелями на дознании, если свидетели не были знакомы с жертвами до убийства.

Взявшись за написание этой книги, я не ставила себе цель выследить убийцу и идентифицировать его личность. Я хотела пройти по следам пяти женщин, осмыслить их жизненный путь в контексте эпохи, оставаясь рядом безмолвным свидетелем, вместе переживая минуты горя и радости. Эти женщины не просто пустые человеческие оболочки, какими мы привыкли их воспринимать. Они были детьми, которые плакали и звали маму, и молодыми женщинами, пережившими первую влюбленность. Они рожали в муках и хоронили родителей, смеялись и праздновали Рождество. Они спорили с родственниками, рыдали, мечтали, испытывали боль и наслаждались маленькими победами. Их путь – зеркальное отражение того, что переживала типичная женщина Викторианской эпохи. Вместе с тем эти женщины уникальны и исключительны тем, как прервался их путь. Эта книга написана ради них. Я написала ее в надежде, что люди наконец услышат истории этих пяти женщин и вернут им то, что у них грубо отняли вместе с жизнью, – человеческое достоинство.

Полли

26 августа 1845 г. – 31 августа 1888 г.

1. Дочь кузнеца

Вращались цилиндры, натягивались ремни, щелкали и жужжали шестеренки. Литеры прижимались к бумаге, оставляя на ней чернильные оттиски. Тряслись полы. Свет горел днем и ночью. В некоторых комнатах с потолков на сушилках свисали длинные полосы бумаги с напечатанным текстом, в других высились башни деревянных ящиков, до краев наполненных крошечными металлическими литерами. В мастерских мужчины, склонившись над верстаками, обтягивали кожей переплетные крышки, украшали обложки золотым тиснением и прошивали тетради. В пристройках гравировали медные таблички и выковывали литеры. В лавках до самого потолка громоздились стопки книг, газет и журналов, источавших восхитительный запах свежей бумаги и типографских чернил. Флит-стрит и прилегавшие к ней переулки являли собой многокамерный пчелиный улей, внутри которого крутились колесики печатной машины. Рабочие пчелы носили костюмы из грубой мешковины. В здешней моде царствовали грязные халаты и фартуки в пятнах типографской краски: чем грязнее и чернее костюм, тем старательнее работник. Мальчишки-посыльные, с ног до головы покрытые чернильной пылью, носились с поручениями. Во всем приходе Сент-Брайдс едва ли бы нашелся хоть один человек с чистыми пальцами, а если такой человек и был, то он ни за что не признался бы в этом. Здесь обитали писатели, издатели, газетчики и книготорговцы. Здесь все зарабатывали на жизнь словом.

Флит-стрит и ее густонаселенные притоки кишели людьми. Как писал современник, если взглянуть на Флит-стрит с высоты Ладгейтского холма, где стоит собор Святого Павла, увидишь лишь «темную, беспорядочно копошащуюся массу людей, коней и повозок», сквозь которую невозможно разглядеть «ни ярда мостовой – лишь головы вдоль ряда домов, и на дороге – сплошь океан голов»¹³. Между этой широкой главной артерией и параллельной улицей Хай-Холборн пролегла целая сеть узких переулков и проходов, застроенных гниющими деревянными домами и мастерскими печатников, философов и нищих писателей, живших там с семнадцатого века. Соседи ютились так близко друг к другу, что слышно было каждый чих, стон и даже вздох. Летом открывали окна, и по всем близлежащим улицам разносился грохот и лязг вращающихся цилиндров ручных типографских станков и печатных машин на паровой тяге.

Среди этой какофонии звуков в тесной комнатухе старого дома появился на свет второй ребенок Кэролайн Уокер – девочка, названная Мэри Энн. Она родилась 26 августа 1845 года. Местные газеты описали этот день как «ясный и сухой». Дом, где родилась Мэри Энн, – обветшалый, двухсотлетний, известный как Доз-корт, – стоял в Пороховом переулке, примыкавшем к улице Башмачников. Поистине диккенсовский адрес: любая из его героинь могла бы проживать в переулке с таким названием! Автор «Оливера Твиста» не понаслышке знал об этих мрачных подворотнях и зловонных переулках: в юности он работал здесь на фабрике по производству ваксы и начал писать свои первые очерки в меблированных комнатах по соседству. Первые годы своей жизни Мэри Энн, или Полли, как ее прозвали¹⁴, провела в тех же местах, что и диккенсовский Феджин¹⁵ и его мальчишки-карманники.

Уокеры никогда не жили в достатке, а учитывая род занятий отца Полли, у них не было никаких перспектив разбогатеть. Эдвард Уокер работал кузнецом в Ламбете на противоположном берегу Темзы, но вскоре нашел работу на «чернильной улице» – так называли Флит-стрит – и перебрался на другой берег. Сперва он занялся изготовлением замков, а потом, веро-

¹³ Max Schlesinger, *Saunterings In and About London* (Лондон, 1853), с. 89.

¹⁴ В английском языке Полли – это уменьшительная форма имени Мэри, образованная путем дубликации, то есть удвоения звукового состава слова: Мэри – Молли – Полли. *Прим. ред.*

¹⁵ Феджин (реже – Фейгин) – герой романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

янее всего, учитывая место его проживания, – отливкой типографских литер и изготовлением наборных шрифтов¹⁶. Хотя кузнечное дело считалось уважаемым ремеслом и требовало серьезных профессиональных навыков, заработанных денег едва хватало на жизнь. Кузнец, работавший по найму, в начале трудового пути зарабатывал от трех до пяти шиллингов в день; получив постоянное место, ремесленник мог рассчитывать на повышение до шести шиллингов шести пенсов в день, хотя к тому времени многие обзаводились семьей, а следовательно, росли и их расходы¹⁷.

Заработок кузнеца обеспечивал Эдварду, Кэролайн и их троим детям – Полли, Эдварду-младшему, двумя годами старше Полли, и Фредерику, который был младше ее на четыре года, – скромное, но стабильное существование. В первые десятилетия правления королевы Виктории содержать семью было непросто: стоило кормильцу заболеть или лишиться работы, как начинали копиться долги за аренду и вся семья в мгновение ока могла оказаться в работном доме. Расходы средней семьи вроде Уокеров составляли около одного фунта восьми шиллингов и одного пенса в неделю. Аренда одной большой комнаты или двух маленьких в центре Лондона обходилась от четырех шиллингов до четырех шиллингов шести пенсов. Около двадцати шиллингов тратили на еду; один шиллинг девять пенсов уходило на уголь, дрова, свечи и мыло¹⁸. У квалифицированных ремесленников вроде Эдварда Уокера была возможность откладывать пару пенни на черный день. Примерно шиллинг и три пенса платили за школьное образование.

Хотя школьное образование в Великобритании стало обязательным лишь в 1876 году, представители более обеспеченной прослойки рабочего класса часто отправляли сыновей, а иногда и дочерей, в местные благотворительные или платные школы. Те же, чье ремесло было связано с типографским делом, отправляли детей в школы почти поголовно, так как среди печатников грамотность не просто высоко ценилась, а считалась обязательной. Некоторые фирмы – к примеру, крупнейшее издательство Викторианской эпохи «Споттисвуд и Ко» – открывали школы для мальчиков моложе пятнадцати лет прямо в конторе и позволяли сотрудникам брать на дом книги из издательской библиотеки, чтобы развивать грамотность всех членов семьи. Хотя Полли и ее брат Эдвард вряд ли имели доступ к библиотеке, они, по всей видимости, посещали одно из учебных заведений системы Национальных школ или Школ Британии. Национальные школы, учрежденные Англиканской церковью, предлагали обучение неполного дня для детей, параллельно занятых трудовой деятельностью. Одна из таких школ располагалась на соседней улице Башмачников. Система Школ Британии – ее предпочитали те, кто стоял ступенью выше беднейшей части общества, – отличалась более строгой программой; старшие ученики здесь обучали младших под присмотром школьного наставника. По-видимому, Эдвард Уокер был сторонником необходимости школьного образования: Полли разрешили посещать школу вплоть до пятнадцати лет, что крайне необычно для девочки из рабочего класса. В Викторианскую эпоху девочек учили читать, но не писать. Полли же научилась и тому и другому. Хотя Уокеры не могли позволить себе излишеств, у Полли всегда были бумага и чернила – в этом заключалось одно из немногих преимуществ жизни на «чернильной улице».

В остальном дома ее детства особыми удобствами не отличались. Уокеры переезжали, но всякий раз находили жилье близ улицы Башмачников или Хай-Холборн. После Доз-корт они поселились на Дин-стрит, затем в Робингуд-корт и Харп-элли. В домах, теснившихся на узких средневековых улочках на территории приходов Сент-Брайдс и Сент-Эндрюс, отчаянно

¹⁶ Кузнечные навыки могли пригодиться в изготовлении типографских станков и наборных шрифтов, поэтому кузнецы были очень востребованы в типографском деле. Вероятно, именно по этой причине Уокер с семьей перебрался в типографский квартал.

¹⁷ В 1861 году Уокер описывает себя как кузнеца и инженера и упоминает, что занимается изготовлением крупных станков. Учитывая место проживания его семьи, речь, скорее всего, о типографских станках.

¹⁸ John Hollingshead, *Ragged London* (Лондон, 1861), с. 39, с. 282.

не хватало места и личного пространства. Оценка состояния жилых домов в густонаселенных районах Лондона, проведенная в 1844 году, показала, что в зданиях с дворами-колодцами, расположенных в узких переулках, – а как раз в таком доме жили Уокеры – «условия проживания хуже, чем где-либо в квартале... плохая вентиляция и антисанитария». Обычно семья жила в одной комнате. Средний размер комнаты составлял «от восьми до десяти футов в длину, восемь футов в ширину и шесть – восемь футов в высоту»¹⁹. Доз-корт, большой деревянный дом с оштукатуренными стенами, поделили сначала на три отдельных квартиры, затем – на отдельные комнаты, которые сдавали в аренду. В этом доме, изначально предназначенном для одной семьи, жили по меньшей мере сорок пять человек. В одной постели спала вся семья; маленьких детей укладывали на низкие самодельные кровати, которые днем задвигали под взрослую. Гостиной, столовой и гардеробной служили стол и пара стульев. Каждый угол был чем-то занят: швабрами, горшками и ведрами, мешками с луком и углем. Подобные жилищные условия вызывали тревогу общественных активистов, усматривавших в них вред морали и благопристойности честных работающих ремесленников. Родители, дети, братья, сестры и прочие родственники одевались, раздевались, мылись, совокуплялись, а то и испражнялись на глазах друг у друга, ведь отдельные уборные имелись далеко не везде. В то время как мать готовила еду, больной ребенок в двух шагах мог опорожнять желудок в ночной горшок; тут же переодевался полунагой отец или брат. Супруги делали будущих детей, лежа в одной постели с детьми уже имеющимися. Вся примитивная человеческая сущность представляла как на ладони.

Дома находились в крайне плачевном состоянии. По правде говоря, платить за такое жилье даже четыре шиллинга в неделю было жалко. Крошащиеся стены, пятна сырости, закопченные дочерна потолки с отслаивающейся штукатуркой, прогнившие половицы, разбитые или плохо пригнанные стекла и дыры, сквозь которые проникали дождь и ветер, – все это было обычным делом. Попав в забившийся дымоход, дым возвращался обратно в комнату и провоцировал целый букет респираторных заболеваний. Состояние коридоров и лестниц также оставляло желать лучшего: порой они представляли опасность для обитателей дома. В одном из таких домов, по рассказам современников, на лестнице «отвалились перила», да и ступеньки изрядно пострадали: «одну из них проломил чей-то тяжелый ботинок, и в любой момент... вся конструкция могла обвалиться и обрушиться с грохотом»²⁰.

Вместе с тем у обитателей этих домов имелись более насущные проблемы, чем теснота и ветхость зданий, а именно: дефицит чистой воды, отсутствие системы слива нечистот и нехватка свежего воздуха. Больше всего страдали маленькие городские «корты» – дома с дворами-колодцами, поделенные на множество квартир и комнат. Здесь на несколько семей мог приходиться лишь один источник воды. Почти все емкости, в которых хранились запасы воды, были покрыты «грязным налетом на поверхности». Иногда жителям приходилось использовать для приготовления еды и мытья стоячую воду из луж и прудов, распространявших невыносимое зловоние в жару. Сточные колодцы во многих домах отсутствовали, и содержимое ночных горшков «текло по дворам и улицам и так там и оставалось, пока дождь не смывал потеки в сточную канаву»²¹. Неудивительно, что вспышки холеры, тифа и всевозможных «лихорадок» (общее название, которым санитарные инспекторы описывали самые разные болезни) случались здесь часто и уносили множество жизней, особенно в теплые месяцы.

Кому, как не лондонскому рабочему классу, было знать, что в грязных перенаселенных домах хорошо себя чувствуют лишь возбудители болезней? Задымленные комнаты и ядовитые лондонские желтые «туманы» не способствовали здоровью тех, кто много работал и

¹⁹ Первый отчет Комиссии о расследовании состояния крупных городов и густонаселенных районов (First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts), том 1 (Лондон, 1844), с. 111–113.

²⁰ George R. Sims, *How the Poor Live* (Лондон, 1883), с. 12.

²¹ Первый отчет, том 1, с. 111–113.

плохо питался. Полли пришлось в этом убедиться, когда ей не исполнилось и семи лет. Весной 1852 года заболела ее мать. Сначала симптомы Кэролайн напоминали обычную простуду, но вскоре кашель усилился. Туберкулез, поселившийся в ее легких, стал постепенно разъедать их, и жуткие приступы кашля начали сопровождаться кровохарканьем. Исхудавшая, измученная, метавшаяся в горячке Кэролайн медленно увядала и умерла 25 ноября.

Она оставила после себя мужа-вдовца и троих детей. Младшему, Фредерику, не было даже трех лет. В то время работающие отцы крайне редко брали на себя заботу о маленьких детях, и то, что Эдвард Уокер взял на себя такую ответственность, свидетельствует о том, что он очень любил своих детей. Он мог бы отдать сыновей и дочь на воспитание родственникам или даже на попечительство ближайшего работного дома, но поступил иначе. Уокер твердо решил, что у его детей будет дом. Он не женился повторно, так что, по всей видимости, заботы по воспитанию детей и домашние обязанности взяла на себя старшая сестра Кэролайн, Мэри Уэбб²².

Кэролайн умерла, не зная, что передала свою болезнь Фредерику. Видимо, она даже не догадывалась о том, как опасно ей находиться рядом с детьми. Ученые совершили первый прорыв в изучении патологии туберкулеза лишь в конце века. Болезнь распространяется воздушно-капельным путем при длительном и регулярном контакте с больным. Именно поэтому туберкулез оставался одной из главных причин смертности на протяжении всей Викторианской эпохи, особенно в семьях. Женщины, ухаживавшие за больными родственниками и соседями, часто приносили инфекцию в свои семьи, сами о том не догадываясь. Не прошло и полутора лет после смерти Кэролайн, как Фредерик слег. Чувствуя, что мальчик долго не проживет, Эдвард и Мэри крестили его 14 марта 1854 года. Через месяц Фредерика похоронили рядом с матерью при церкви Сент-Эндрюс в Холборне.

Несмотря на помощь тетки и прочих родственниц, смерть матери наверняка означала, что Полли пришлось рано повзрослеть. Хотела ли она брать на себя роль хозяйки дома или нет, мы не знаем, но ответственность эта легла на плечи Полли, когда она была еще совсем ребенком. Очеркисты того времени сообщают, что дочь вдовца обязана была «утешать овдовевшего отца, вести дом и заботиться о семье». В отсутствие матери первейшим долгом старшей дочери становилось не получение образования, а ведение хозяйства. Естественно, это сразу лишало ее возможности трудоустройства на полный день – например, в качестве служанки, так как служанки обычно жили в домах нанимателей²³. К девяти годам Полли, очевидно, обладала всеми необходимыми навыками ведения хозяйства и умела готовить. Повинуясь общественным нормам, она жила под отцовской крышей до восемнадцати лет, хотя многие девушки ее круга нанимались в служанки уже лет в тринадцать-четырнадцать. Заработка Эдварда Уокера хватало на содержание уменьшившейся в размерах семьи, поэтому свои дни Полли делила между домашними обязанностями и обучением в школе, которую посещала до пятнадцати лет, – неслыханная роскошь для девочки из рабочей семьи.

Из-за случившегося в семье несчастья между Полли и ее отцом сформировалась уникальная привязанность, сохранявшаяся всю ее жизнь. Викторианское общество возлагало на плечи дочери вдовца не только физические обязанности по ведению хозяйства – все то, чем раньше занималась ее мать, – но и эмоциональный труд: необходимость морально поддерживать овдовевшего главу семейства. Литература Викторианской эпохи пестрит примерами подобных героинь, считавшихся образцом самоотверженной дочерней любви: они невинны и ласковы, находчивы, безупречно себя ведут и напрочь позабыли о легкомысленных детских забавах. Одной из таких образцовых дочерей является Флоренс Домби из романа Чарльза Дик-

²² Мэри и Эдвард значатся в приходской книге в качестве «родителей» Фредерика (запись сделана при его крещении после смерти Кэролайн). Возможно также, что вдовец Эдвард Уокер в то время находился в отношениях с женщиной по имени Мэри, но детей у него больше не было, равно как нет и свидетельств его проживания с другой женщиной.

²³ Coventry Standard, 27 июня 1845 г.

кенса «Домби и сын», написанного через год после рождения Полли. Лишившись матери, Флоренс стремится завоевать любовь овдовевшего отца и укрепить взаимную привязанность; и у нее это получается благодаря силе духа и самопожертвованию. Что касается Полли и Эдварда, те, вероятно, также питали друг к другу одинаково сильную привязанность и оба обладали недюжинной силой духа.

Всю свою жизнь Полли старалась держаться рядом с отцом и не изменила этому правилу, даже когда пришло время выбирать супруга. В 1861 году в мужском общежитии по адресу Бувери-стрит, 30–31, проживал некий Уильям Николс, девятнадцати лет, складской рабочий – по всей видимости, служивший в типографии. Его отец был геральдическим художником: рисовал гербы на каретах и вывесках. Но в девятнадцатом веке это традиционное ремесло стало устаревать, и он занялся изготовлением именной канцелярии и экслибрисов. Дата, когда Уильям покинул родной Оксфорд и отправился в Лондон, где начал карьеру печатника, точно неизвестна, но это случилось до весны 1861 года. Бувери-стрит находилась в самом сердце типографского квартала. Здесь, в домах № 10–25, располагались конторы семи журналов и газет, в том числе редакция газеты «Дейли Ньюс», которой некогда заведовал Диккенс, и редакция журнала «Панч», одним из основателей которого являлся социальный реформатор Генри Мэйхью. Лондон, предстающий перед нами в описаниях Диккенса и Мэйхью, был тем самым городом, который Уокеры и Уильям Николс хорошо знали. Как и Диккенс, Мэйхью знал нищету и долги: жизнь журналистов и печатников с Флит-стрит нельзя было назвать стабильной. Недаром Флит-стрит с семнадцатого века называли «улицей литературных поденщиков»: в ее окрестностях обреталось сплоченное сообщество людей из самых разных кругов общества. Они писали, вычитывали, печатали и продавали тексты, вместе выпивали, одалживали друг у друга деньги и женились на дочерях и сестрах таких же писателей, журналистов и печатников, как они сами.

Так по всем канонам поистине диккенсовского сюжета лишившуюся матери дочь кузнеца, прилежно выполнявшую свой дочерний долг и заботившуюся об отце и брате, представили Уильяму Николсу, светловолосому юноше с широким улыбчивым лицом. Поскольку Николс был ровесником брата Полли Эдварда, который работал «инженером», по всей видимости, именно Эдвард познакомил Полли с Уильямом. Отец и брат, как преданные овчарки, охраняли миниатюрную темноволосую кареглазую Полли, и Уильяму, должно быть, стоило немалых усилий завоевать их доверие. Как бы то ни было, накануне Рождества 1863 года он сделал Полли предложение, и она согласилась. Молодые объявили о бракосочетании и 16 января 1864 года поженились в «церкви печатников» Сент-Брайдс. Полли тогда было восемнадцать лет. В регистрационном журнале ее суженый с гордостью записал свою профессию – «печатник».

Брак Полли и Уильяма ознаменовал серьезные изменения в жизни всех членов семьи. Отцу и брату Полли, привыкшим полагаться на нее во всем, предстояло впустить в свою жизнь чужого мужчину, отдавая себе отчет в том, что где муж, там и дети. Увеличившаяся семья Уокеров-Николсов переселилась в дом № 17 на Кирби-стрит в бедном квартале Саффрон-Хилл к северу от Хай-Холборн. Поскольку две семьи съехались, возникла необходимость в двух, а то и трех отдельных комнатах, чтобы новобрачные имели возможность уединиться. Однако переселившись в здание на Кирби-стрит, поделенное на три этажа – каждый занимала одна семья, – Уокеры-Николсы едва ли улучшили свои жилищные условия.

Как и стоило ожидать, через три месяца после бракосочетания Полли забеременела первенцем. Крики Уильяма Эдварда Уокера Николса впервые огласили комнаты дома № 17 на Кирби-стрит 17 декабря 1864 года²⁴. К осени 1865 года миссис Николс снова забеременела, и потребность в увеличении жилплощади стала столь же очевидной, как и ее растущий живот.

²⁴ Лондонский городской архив: Реестр лондонских приходов: P69/BRI/A/01/MS6541/5. Благодарю за эту находку Нила

В 1860-х годах молодой рабочей семье было гораздо выгоднее жить на южном берегу Темзы: в Саутуарке, Бермондси, Ламбете, Уолворте и Кэмбервелле. Жилье в Холборне и Клеркенвелле – кварталах рядом с Флит-стрит – обходилось дороже. На южном берегу небольшой дом с тремя-четырьмя комнатами и даже задним двором можно было снять за 4–5 шиллингов в неделю. Но состояние жилищного фонда здесь было не лучше, чем на севере. Кроме того, с точки зрения бюджета переселение на южный берег имело смысл лишь в том случае, если бы арендаторам жилья удалось найти в окрестностях столь же хорошо оплачиваемую работу, как на севере. Тем не менее летом 1866 года Уокеры-Николсы переехали в Уолворт – лондонский район, где прошла юность Эдварда Уокера. Семья, теперь состоявшая из шести человек, взяла в аренду дом № 131 по Трафальгар-стрит, «застроенной одинаковыми двухэтажными кирпичными коттеджами». Хотя улицу проложили недавно – в 1805 году – и застройка могла считаться относительно новой, время не пощадило эти дома. Неутолимая потребность в доступном жилье привела к тому, что дома, возведенные для среднего класса в георгианскую эпоху, в викторианский период поделили на квартиры, и в одном таком доме жили несколько семей, а не одна, как изначально было задумано. По соседству с Уильямом и Полли проживали плотники, машинисты, лавочники и хозяева складов, чьи большие семьи обитали едва ли на большей площади, чем соседи Полли из Холборна. В семье Уокеров-Николсов было целых три кормильца мужского пола; в этом смысле им повезло, и четыре комнаты коттеджа не пришлось делить ни с кем. Однако вскоре ситуации предстояло измениться.

В Викторианскую эпоху уровень жизни рабочей семьи повышался и падал с каждым новым рождением и смертью члена семьи. Чем больше детей рождалось у Николсов, тем сильнее становилась нагрузка на семейный бюджет. Младенцы рождались и умирали. Старший сын Полли и Уильяма прожил всего год и девять месяцев, но вскоре появились и другие дети. Эдвард Джон был их первым ребенком, появившимся на свет в доме на Трафальгар-стрит 4 июля 1866 года. Два года спустя, 18 июля 1868 года, родился Джордж Перси; в декабре 1870-го семью снова ждало пополнение – на этот раз девочка, Элис Эстер. Полли посчастливилось прожить почти всю жизнь в семье с двумя кормильцами, где почти не было иждивенцев, но вскоре весы качнулись в другую сторону. Вскоре после рождения Элис Эстер брат Полли, Эдвард, женился и переехал. Таким образом, семья одновременно потеряла источник финансирования в лице Эдварда-младшего и приобрела нового иждивенца. И без того скудный семейный бюджет натянулся до предела, а в сердца Николсов впервые закралась тревога о будущем.

2. Благоедеяния Пибоди

В январе 1862 года американцам в Лондоне приходилось туго. Шли первые месяцы Гражданской войны в США. Америка поделилась на юнионистов и конфедератов²⁵, и то же самое произошло в гостиных Мэйфера – района, где обитали немногочисленные переселенцы из Штатов, северных и южных. Чуть раньше, в ноябре 1861 года, британское судно «Трент» невольно оказалось вовлеченным в события Гражданской войны: представители Союзного флота совершили насильственное проникновение на борт с целью задержать посланников южных штатов, направлявшихся в Лондон. Парламент, пресса, а вскоре и общественность, читавшая газеты, возмутились столь вопиющему проявлению американской агрессии. Виргинские предприниматели с Гросвенор-сквер разрывали договоренности с инвесторами из Нью-Йорка, лондонцы проклинали Авраама Линкольна, а американский финансист Джордж Пибоди в отчаянии рвал волосы на голове в своей конторе на Брод-стрит. Незадолго до инцидента с «Трентом» Пибоди, считавший Лондон второй родиной, намеревался сделать крупное благотворительное пожертвование лондонским «бедным и нуждающимся... чтобы поспособствовать их комфорту и благополучию»²⁶. Обсуждались различные варианты: пожертвование благотворительным школам, финансирование сети муниципальных питьевых фонтанчиков. Но Пибоди решил заняться напрямую тем, что считал самой насущной проблемой рабочего класса, – жильем.

Сам Пибоди происходил из весьма скромных кругов и поднялся от должности ученика в бакалейной лавке в Массачусетсе до владельца международной импортно-экспортной конторы. В 1838 году он переместил штаб-квартиру своей компании в Лондон и занялся банковским делом. После выхода Пибоди на пенсию в 1864 году управление его коммерческим банком «Пибоди и Ко» перешло к его партнеру Дж. С. Моргану из династии банкиров Морганов. Пибоди был бездетным холостяком, унаследовать его огромное состояние было некому, и он пожелал направить накопленные средства на благое дело. Так у него возникла идея возвести недорогие жилые комплексы для лондонских рабочих семей. Новость о предстоящем пожертвовании в размере ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов уже должна была появиться в газетах, когда происшествие с судном «Трент» испортило отношения между Великобританией и США настолько, что Пибоди начал опасаться, что его взнос будет отвергнут.

В своем письме основателя Джордж Пибоди лишь в общих чертах обозначил круг людей, которые имели право воспользоваться новой системой социального жилья. Претендовать на жилье могли «лондонцы по праву рождения или проживания». Кроме того, потенциальные жильцы должны были быть «малоимущими, обладать высокими моральными качествами и являться достойными членами общества». «Религиозные воззрения и политические предпочтения значения не имеют», – добавлял он. «Дома Пибоди» были открыты для всех.

Миновало несколько тревожных месяцев, и наконец 26 марта 1862 года Пибоди открыл свои намерения прессе. Строительство первого квартала Домов Пибоди началось в Спитал-филдсе на Коммерческой улице. Причем вместо изначально обещанных ста пятидесяти тысяч фунтов Джордж Пибоди выделил городу полмиллиона – в пересчете на нынешние деньги это примерно сорок пять с половиной миллионов фунтов стерлингов. Щедрость Пибоди умиротворила британцев и даже помогла улучшить разладившиеся англо-американские отношения. Сама королева Виктория отправила Пибоди персональное благодарственное письмо. Благо-

²⁵ Юнионисты – 20 нерабовладельческих штатов и 4 пограничных рабовладельческих штата Севера США, сторонники федералистских сил в Гражданской войне 1861–1865 гг.; конфедераты – Конфедерация 11 рабовладельческих штатов американского Юга.

²⁶ Franklin Parker, George Peabody: A Biography (Нашвилл, 1995), с. 126.

даря его проекту жилищного строительства более тридцати тысяч лондонцев смогли выбраться из трущоб.

В 1864 году, накануне открытия здания на Коммерческой улице, попечители фонда получили более ста заявок на пятьдесят семь квартир. Джордж Пибоди предвидел, что спрос окажется высоким. Он приобрел новые участки под застройку и приступил к строительству жилых домов в Айлингтоне, Шэдуэлле, Вестминстере и Челси. В 1874 году началось строительство дома в Ламбете, на Стэмфорд-стрит, в двух шагах от крупной типографии «Уильям Клоуз и сыновья».

Поскольку целью Пибоди было улучшение здоровья и морального состояния рабочего класса, жилищные условия в его домах превосходили те, к которым привык рабочий люд. В отличие от допотопных домов с заплесневелыми потолками, клопами и тараканами, здания Пибоди строились из кирпича. В них были дощатые полы и белые цементные стены. В четырехэтажных домах по Стэмфорд-стрит располагались одно-, двух-, трех- и четырехкомнатные квартиры с газовым освещением. В каждом доме имелся общий внутренний двор, также были обещаны «современные удобства». «Квартиры снабжены шкапами, в том числе кухонным буфетом с дверцами из перфорированного цинка. В наружном коридоре находится емкость для хранения угля оригинальной конструкции, вмещающая полтонны», – так описывали репортеры «Дейли Ньюс» жилой дом на Саутуарк-стрит, по соседству с кварталом на Стэмфорд-стрит. В многокомнатных домах одна комната была «отдана под кухню... там стояли плита, печь, бойлер и все прочее»²⁷. В квартирах на Стэмфорд-стрит были даже предусмотрены полки для картин, «чтобы жильцы не портили гвоздями стены». Центральная общая комната служила одновременно кухней, столовой и гостиной; в отдельных же спальнях члены большой семьи могли уединиться или использовать лишнюю комнату как будуар²⁸. Репортеры часто замечали, что комнаты были очень маленькими, «14–15 футов в длину и 11–12 в ширину». Однако даже такие размеры существенно превосходили трущобные комнатухи, в которых обитателям Домов Пибоди приходилось ютиться прежде.

Важным фактором, учтенным при проектировании Домов Пибоди, стало поддержание гигиены. Лучшими в этом плане считались дома по Стэмфорд-стрит, где имелись общие, на две квартиры, «клозеты» (уборные непосредственно в доме) и «раковины для умывания» в коридорах. На нижнем этаже здания также стояла «большая ванна», которую можно было наполнить водой, подогретой на газе, причем счета за подогрев воды оплачивали попечители. Таким образом, жильцы могли принимать ванну «бесплатно и в любое время, предупредив об этом коменданта и взяв у него ключ». По словам одного репортера, у жильцов Домов Пибоди больше «не было оправдания ходить грязными, в запачканной одежде»: в одном из корпусов каждого жилищного комплекса на чердаке имелась большая прачечная. В домах на Стэмфорд-стрит прачечные были снабжены не только «чанами с кранами для воды... и тремя большими медными тазами для кипячения», но и отдельной, выложенной плиткой сушильной с «восемью большими светлыми окнами»²⁹. Расчет был на то, что жители Домов Пибоди, вдохновившись чистотой своих тел и приятно пахнущей одеждой, захотят поддерживать в чистоте и красоте и свое окружение: не только белить стены и оклеивать их обоями, но и следить за гигиеной и порядком в доме. С этой целью архитекторы квартала в Ламбете, фирма «Кабитт и Ко», запатентовали мусоропровод, который состоял из шахты, проходившей по центру каждого здания. В эту шахту жильцы сбрасывали мусор, и тот попадал в общий мусоросборник. Подобная система представлялась необходимой для поддержания здоровья граждан, писала газета «Сёркл», учитывая, что «множество людей будут проживать на одной территории».

²⁷ Daily News, 29 января 1876 г.

²⁸ 'New Peabody Buildings in Lambeth', The Circle, 11 апреля 1874 г.

²⁹ 'New Peabody Buildings in Lambeth', The Circle, 11 апреля 1874 г.

Поскольку попечители фонда Пибоди были заинтересованы в наилучшем исходе своего социального эксперимента, они с крайней дотошностью подошли к процессу отбора жильцов. Лишь «самые достойные из неимущих представителей рабочего класса», отличавшиеся высокоморальными качествами и способные вносить еженедельную арендную плату, заслуживали право поселиться в новых домах. Отбор проходил строго. Каждый претендент обязан был предоставить характеристику от работодателя и тем самым подтвердить, что обладает стабильным доходом и «ничто в [его] поведении... не является препятствием к предоставлению [ему] жилищных льгот»³⁰. Кроме того, попечители наносили кандидатам личный визит. При этом дисквалифицировали всех, кто оказывался «хроническим пьяницей» или имел проблемы с законом. Отказывали и тем, чей уровень жизни попечители сочли удовлетворительным, а доход – достаточно высоким. Также не попали в программу семьи, в которых было слишком много детей. Наконец, перед самым одобрением заявки все члены семьи будущего арендатора должны были предъявить доказательство, что им делали прививку от оспы.

В 1876 году семейство Николс признали идеальными кандидатами на проживание в Доме Пибоди на Стэмфорд-стрит. Попечители явились в их дом на Трафальгар-стрит и застали Уильяма, Полли и их троих детей умытыми, в лучших воскресных костюмах. В комнатах было подметено и прибрано. Никаких признаков падения морали и хронического пьянства проверяющие не обнаружили. В характеристике, предоставленной работодателем Уильяма – типографией «Уильям Клоуз и сыновья», находившейся прямо напротив ворот дома на Стэмфорд-стрит, – его описали как трудолюбивого работника и примерного семьянина. Поскольку одной из целей попечителей было обеспечение граждан жильем по месту работы, можно предположить, что фирма «Уильям Клоуз и сыновья» рекомендовала своим сотрудникам подать заявку в фонд Пибоди. Когда Уильям Николс поступил на работу в типографию «Уильям Клоуз и сыновья», предприятие имело весьма солидную репутацию. Платили Уильяму тридцать шиллингов в неделю. Помещение на Дюк-стрит состояло из шести наборных мастерских, где набирали шрифты, и двадцати пяти печатных машин на паровой тяге. Николс служил оператором печатного станка. К середине века в компании числилось более шестисот сотрудников. Именно в типографии «Уильям Клоуз и сыновья» были отпечатаны первые тиражи самых известных литературных произведений Викторианской эпохи, в том числе многие романы Диккенса, который навещался на Дюк-стрит вплоть до своей смерти в 1870 году и правил гранки. Типография слыла надежной и уважаемой и дорожила своей репутацией, а сотрудники гордились тем, что работают на столь солидном предприятии. Даже наборщики в «Уильям Клоуз и сыновья» вплоть до конца девятнадцатого века приходили на работу в цилиндрах и крахмальных воротничках.

Всю свою жизнь Полли и ее семье приходилось ютиться в убогих старых домах, поэтому перспектива поселиться в новой, чистой, современной квартире на Стэмфорд-стрит, должно быть, несказанно радовала молодое семейство. Плита для приготовления пищи, работающий туалет в доме и отдельная комната, где можно развесить белье, не опасаясь того, что оно пропитается запахом дыма и покроется налетом сажи, – эти простые вещи казались супругам роскошью. Детям предстояло жить в отдельной комнате; у супругов появилась бы даже возможность уединения. Как и планировали попечители фонда Пибоди, новое жилье Уильяма находилось всего в паре минут от его конторы, и он мог приходиться домой на обед. Работа, семья и соседи, здоровье, производство и моральное благополучие – все в этой картине соответствовало замыслам социальных реформаторов Викторианской эпохи.

Тридцать первого июля 1876 года Николсы заселились в квартиру № 3 на втором этаже корпуса «Д» по Стэмфорд-стрит. Впервые в жизни Полли предстояло жить отдельно от отца. Эдвард Уокер отправился жить к сыну и его молодой семье, занимавшей квартиру на соседней

³⁰ Phebe Ann Hanaford, *The Life of George Peabody* (Бостон, 1870), с. 133.

Гилдфорд-стрит. Новая квартира в Доме Пибоди – четырехкомнатная, просторная – принадлежала только Николсам.

За шесть шиллингов восемь пенсов в неделю обитатели дома на Стэмфорд-стрит получали совершенно новый, уникальный опыт проживания. В отличие от труппного жилья, принадлежавшего частным собственникам, в Домах Пибоди действовали правила касательно чистоты и порядка. За их соблюдением следили комендант и привратники. Обязанность поддерживать чистоту в общих зонах ложилась на плечи жильцов: коридоры, лестницы и «клозеты» следовало подметать ежедневно до десяти утра; полы мыли раз в неделю, по воскресеньям. Детям разрешали играть во дворе, но запрещали баловаться на лестнице, в коридорах и прачечной. Сдавать квартиры в субаренду и использовать жилье для получения прибыли каким-либо другим способом было строго запрещено. Женщинам не позволяли «брать на дом стирку» – а у многих была мысль подработать таким образом, воспользовавшись большими чанами и тазами в коммунальной прачечной. Если жильцы нарушали правила, им грозили «выселением»³¹. Однако чаще всего правила соблюдались постольку-поскольку. Когда Дом Пибоди на Стэмфорд-стрит посетил журналист из газеты «Дейли телеграф», он обнаружил, что дети «играют в прятки в коридорах». Правда, он заметил, что дети казались весьма довольными и «несмотря на убогую одежду... большинство выглядели чистыми, опрятными, а волосы их были аккуратно причесаны». Комендант в беседе с журналистом сказал, что большинство новых жильцов принесли с собой дурные привычки, приобретенные за долгую жизнь в трущобах. Но вскоре они узнали, что соседи с неодобрением посматривают на их грязные окна и босоногих детей. «Беднякам хочется равняться на соседей», – заметил комендант. Другой посетитель обратил внимание на «цветы на всех подоконниках и ясные счастливые лица, выглядывающие из окон». В доме не было «дерущихся и скандалящих детей... пьяных женщин и отчаявшегося вида мужчин»³². По мнению коменданта дома на Стэнфорд-стрит, это объяснялось отсутствием поблизости пабов: женщины занимались хозяйством вместо того, чтобы напиваться. «Большинство мужей», замечал он, рады, что их жены не «перемывают косточки соседям» после пары кружек пива, а «смотрят за детьми и поддерживают чистоту в доме»³³.

Но, разумеется, как и везде, здесь тоже перемывали косточки соседям и периодически нарушали правила. Обитатели Дома Пибоди сталкивались с теми же жизненными трудностями, что и их соседи по ту сторону кованых ворот. Соседями Николсов по корпусу «Д» оказались люди самых разных профессий, с разной судьбой. Среди них были проводник, упаковщик, полисмен, несколько вдов, разнорабочий, грузчик, поденщица, плотник и многочисленные сотрудники фирмы «Уильям Клоуз и сыновья». Трое сыновей Корнеалюса Ринга, проживавшего на том же этаже в квартире № 2, бегали по коридорам вместе с сорванцами Николсов. Жена Ринга умерла при родах, и за старшими детьми и трехмесячным младенцем ухаживала его сестра. В квартире № 9 жила семья Уильяма Хэтчеса, в которой постоянно рождались новые дети. Их было уже шестеро – предел, свыше которого занимать квартиры в Домах Пибоди запрещалось. Правда, по соседству, в квартире № 8, жил холостой брат Хэтчеса, и «лишние» дети переселились к нему. К вдовам, проживавшим в здании, Полли и другие женщины относились крайне настороженно. Вдов было три: Энн Фриман из квартиры № 7, Эмона Блоуэр с двумя детьми, жившая по соседству с Николсами, в квартире № 4, и Элиза Мерритт из первой квартиры, получавшая пенсию в размере 65 фунтов стерлингов в год (о чем ее соседи, вероятно, даже не догадывались)³⁴

³¹ London Daily News, 29 января 1876 г.

³² Phebe Ann Hanaford, *The Life of George Peabody*, с. 137.

³³ Daily Telegraph, 24 декабря 1878 г.

³⁴ Лондонский городской архив: Учетные книги Стэмфорд-стрит Acc/3445/PT/07/066.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.